

«ОЧЕНЬ ВАЖНО, ЧТОБЫ ЗНАЛИ, ЧТО МЫ СУЩЕСТВУЕМ»: СОЗДАТЕЛИ ЦЕНТРА ПРИКЛАДНОЙ АНТРОПОЛОГИИ (КИЕВ) О ГРАНТАХ, РАБОТЕ С БИЗНЕСОМ И ПРОБЛЕМАХ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ

Беседовал Михаил Алексеевский

Для цитирования:

Буйских, Ю., Овсиюк, О., Полек, Т., Соболева, Е. (Авторы), Алексеевский, М. (Инт.). (2019). «Очень важно, чтобы знали, что мы существуем»: создатели Центра прикладной антропологии (Киев) о грантах, работе с бизнесом и проблемах институционализации. *Фольклор и антропология города*, III(3–4), 364–378. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-364-378.

В последние годы интерес к прикладной антропологии растет не только в России, но и на постсоветском пространстве. Однако, как правило, речь идет лишь об отдельных проектах исследователей-энтузиастов, в то время как специализированных центров и компаний, системно занимающихся прикладной антропологической наукой, пока не появляется.

Ярким исключением из этого правила является деятельность украинского Центра прикладной антропологии, действующего в Киеве. Всего за два года существования эта общественная некоммерческая организация выпустила несколько книг, включая коллективную монографию по городской антропологии про Ирпень, быстро развивающийся пригород Киева, запустила научно-популярный лекторий по антропологии на площадке проекта Urban Space 500, организовала три международных научных воркшопа, занимается как общественно значимыми, так и коммерческими проектами.

Руководитель Центра городской антропологии КБ Стрелка в октябре 2019 года приехал в Киев, чтобы принять участие в международном воркшопе Understanding the City: Anthropology of Post-Socialist Transformations, и взял большое интервью

у его организаторов, сотрудников Центра прикладной антропологии Елены Соболевой, Оксаны Овсиюк, Юлии Буйских и Тины Полек, о том, как и зачем они создали эту организацию, как они совмещают общественную и коммерческую деятельность с работой в академическом институте и почему современной Украине нужны антропологи.

“IT’S VERY IMPORTANT THAT PEOPLE WOULD KNOW THAT WE EXIST”: FOUNDERS OF THE CENTRE OF APPLIED ANTHROPOLOGY (KYIV) ON GRANTS, WORKING WITH BUSINESSES AND PROBLEMS OF INSTITUTIONALIZATION

Interviewed by Mikhail Alekseevsky

TO CITE:

BUYSKIH, J., OVSIYUK, O., POLEK, T., SOBOLEVA, O. (AUTHORS), ALEKSEEVSKY, M. (INT.). (2019). “IT’S VERY IMPORTANT THAT PEOPLE WOULD KNOW THAT WE EXIST”: FOUNDERS OF THE CENTRE OF APPLIED ANTHROPOLOGY (KYIV) ON GRANTS, WORKING WITH BUSINESSES AND PROBLEMS OF INSTITUTIONALIZATION. *URBAN FOLKLORE & ANTHROPOLOGY*, 11(3–4), 364–378. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-364-378. (IN RUSSIAN).

Давайте я начну с самых банальных вопросов. Как вообще возникла идея создания Центра прикладной антропологии? Зачем он вам понадобился? Как вы познакомились друг с другом? Пусть каждый расскажет свою историю.

[Ю. Б.]: Моя история отчасти личная. Я два года была на стажировке в Польше. У меня был постдок, это сентябрь 2014-го года — июль 2016-го года. И так вышло, что перед тем, как уехать в Польшу, мне пришлось уволиться из Академии наук, где я работала. Когда я вернулась в Киев летом 2016-го года, я была растеряна, где работать, что делать и куда применять мои знания, которые я получила в Польше. Потому что, будучи в Институте этнологии и культурной антропологии Варшавского университета, я очень много ездила, старалась попадать на разные конференции и школы в Европе, благо была такая возможность. И когда я вернулась в Киев, у меня было такое ощущение, что я очень много накопила, и хочется где-то и с кем-то этим делиться. Тем летом мы много говорили с Леной Соболевой, с коллегой и подругой, о том, что с этим всем делать. Мне было грустно, что я не могу найти работу. Я преподавала польский для детей, что-то переводила. Это было не совсем то, чем я хотела бы заниматься. Надо сказать, что с Леной Соболевой мы знакомы более 15 лет, потому что мы вместе учились на историческом факультете Киевского национального университета, на одной кафедре — этнологии и краеведения, только Лена защитилась на год раньше, чем я. Потом мы работали в одном отделе в Академии наук, в Институте фольклористики и этнологии. И когда я вернулась из Польши, Лена работала уже в Институте украиноведения, в отделе культурологических исследований.

Все это случилось благодаря Марине Гримич. Это наш университетский профессор, наш учитель, бывшая заведующая кафедрой этнологии и краеведения. Лена говорит: «Надо связаться с Мариной Гримич. Может, она тоже тебе как-то поможет, и мы могли бы работать все вместе». Так и получилось в итоге. Потому что Марина Гримич помогла мне устроиться в институт, в этот отдел. Я прихожу в отдел, а в этом отделе работает Тина Полек. С Тиной мы знакомы, наверное, с 2011-го или с 2012-го года с работы в Институте этнологии и фольклористики в Академии наук. Тина там была аспиранткой, мы вместе ездили в экспедиции. Тина тоже ушла из Академии наук, потому что атмосфера там была нетворческая. И не способствовала каким-то новым и креативным идеям. В том виде, в котором у нас тогда были плановые темы, коллективные монографии, все это совершенно не вдохновляло ни к чему. Мне хотелось чего-то совсем другого. Хотелось, чтобы это была не наша традиционная этнография-этнология с исследованием реликтов традиционной культуры и их трансформации, а чтоб это были какие-то интересные антропологические темы, касающиеся изучения современного общества. Но это невозможно было бы реализовать в Академии наук.

А Институт украиноведения не относится к Академии наук?

[Ю. Б.]: Нет, это научно-исследовательский институт в системе Министерства науки и образования. Чем меня привлекла туда Марина Гримич? Она мне написала: «Юля, я знаю вашу историю с академическим институтом. Но у нас другой институт, молодой прогрессивный директор. Вы попадете туда, где вас не будут заставлять делать то, чего вы не хотите. Будете заниматься тем, что вам интересно». Я подумала: «Круто! Я буду заниматься, чем хочу, как хочу». Очень маленькая зарплата, конечно, минус. Мы были на полставки одно время все. Просто из-за недофинансирования. Но большой плюс в том, что все наши инициативы поддерживались.

[О. О.]: Да, в том, что у нас сложился такой коллектив, главная заслуга нашего руководителя, Марины Виллевы Гримич. Возможно, она и не намеренно нас всех собирала, но так получилось, что мы все оказались в одном отделе в научно-исследовательском Институте украиноведения. Марина Виллева — наш преподаватель из Киевского университета имени Тараса Шевченко. Когда я пришла после защиты своей диссертации устраиваться на работу, то устроилась в этот Институт украиноведения. И где-то после двух недель работы я вдруг осознала, что один из отделов возглавляет мой бывший преподаватель Марина Гримич. Вообще я историк, на кафедре новейшей истории Украины защищала диссертацию по истории повседневности. Моя тема была связана с историей киевского быта, историей повседневной жизни Киева в годы Второй мировой войны. У меня вышла монография по Киеву, называется она «Жизнь в оккупации. Быт киевлян 1943–45 годов». Из-за того, что такие были мои научные интересы, я в институте сначала

попала в отдел военной истории. Это был совершенно иной коллектив. Но потом как-то так оказалось, что мы с Мариной Виллевной встретились и сделали несколько очень интересных совместных проектов. А Марину Виллеву надо знать, она может своими идеями просто зажечь абсолютно всех вокруг. У нее всегда очень много интересных задумок, и очень она меня захватила этими антропологическими идеями. Потом, после реализации общих проектов, Марина Виллевна предложила мне перейти в свой отдел. Он тогда назывался «Отдел культурологических исследований». Вот так вот мы начали работать. Потом у нас появились другие девочки. Наверное, все друг друга в профессиональной сфере знают, так как это сообщество достаточно узкое. И точно так же вот Тина Полек у нас появилась в нашем отделе, Лена Соболева, Юля Буйских. И практически все в нашем отделе учились у Марины Виллевы. Кроме Тины. Тина у нас из Винницы.

[Т. П.]: Да, я училась в Виннице, закончила маленький провинциальный вуз, а потом поступила в аспирантуру в Академию наук. Там решила всем назло писать о городе. Моя тема была о миграции сельской молодежи в города. Ну, поскольку Академия наук — это место достаточно консервативное, мне хотелось чего-то другого, чего-то более современного. В то время я знала о существовании Марины Гримич, мы учились в университете по ее книгам. Это был такой глоток свежего воздуха среди всей той литературы, которая у нас была. Я набралась смелости и написала ей в Фейсбуке, и так мы с ней познакомились. Вот когда Марина Виллевна попала в Институт украиноведения, она начала собирать команду. Она мне предложила: «Защищайся, и я тебя заберу к себе». Как только я защитилась, в день получения диплома я ушла из Академии наук к Марине Виллевне, где уже познакомилась с моими теперешними коллегами. Мы все понимали, что нас интересуют антропология и современность. Нам всем был интересен крайне широкий спектр тем. Но моя тема изначально была о городе. И для меня было важно иметь место, где можно о городе писать. И дальше мы с коллегами начали размышлять о состоянии украинской антропологии, а точнее, об ее практическом отсутствии.

[Ю. О.]: Это был очень интересный опыт, когда мы все поняли, что смотрим в одну сторону. У нас у всех была идея, что мы хотим заниматься именно антропологией. Не историей, не этнологией, а именно антропологией. Мы понимали, что для современной украинской науки это что-то совершенно новое. Потому что, например, даже сейчас в Украине практически нет институций, которые бы в названии имели слово «антропология». Ну никто не выпускает антропологов, начнем с этого. То есть такой профессии нет. И вообще в Украине до недавнего времени можно было говорить только об одной такой институции — это отдел социальной антропологии в Институте народоведения во Львове, они в подчинении Академии наук находятся. Вот они как-то раньше смогли переименовать отдел свой. А мы смогли сделать это только сейчас. С июня 2019 года отдел культурологических исследований

переименован в «Отдел социокультурной антропологии». Конечно же, мы очень довольны, что теперь действительно есть в государственных структурах еще одна институция, которая имеет в своем названии слово «антропология». Если говорить о Центре прикладной антропологии — то его возникновение тоже связано с тем, что мы хотели официально обозначить себя в качестве антропологов. Дело в том, что процесс переименования отдела длился четыре года. И в какой-то момент мы поняли, что этот процесс уже очень сильно затягивается, и вообще не было уверенности, что мы сможем это сделать. И тогда мы решили пойти другим путем и создать общественную организацию, которая нам позволит официально называться антропологами. Ну и, как бы, уже наша деятельность будет соответствовать нашему названию.

[Ю. Б.]: В то время Марина Гримич на несколько лет уехала из Киева, поскольку ее мужа назначили послом Украины в Ливане. А мы остались в отделе: Тина Полек, Лена Соболева, я, еще одна наша коллега Лена Брайченко, которая тоже училась на истфаке. И Оксана, которую назначили сначала и. о. заведующей, а потом уже заведующей. Это было круто, потому что в моей практике никогда не было такого молодого заведующей. Мы, в принципе, все одно поколение. И вот осенью 2016 года у меня возникла мысль организовать полевую школу по антропологии. Что-то масштабное, скажем, на 2 недели. Я на подобной школе была в Будапеште, это длилось 10 дней, и мне хотелось сделать что-то такое в Украине. Лена Соболева мне говорит: «Юля, давай начнем с малого. Две недели школы — это круто. Но как ты себе это представляешь? Где искать деньги?» Хорошо, что меня Лена в мирное русло направляла, потому что действительно нужно начинать с малого. И тогда я решила сделать воркшоп по пограничью, это тема, которая мне очень близка. Мы написали первый проект воркшопа осенью, он был очень сырой. Не имея опыта участия в грантовых конкурсах, мы подались на грант от Фонда Розы Люксембург. Ну и, конечно, ничего не получили. Нам написали в отказе, что проект непонятно как будет влиять на общество, непонятно, какие там цели, потому что он слишком научный.

Но ведь в итоге воркшоп провести все-таки удалось?

[Ю. Б.]: Мы начали думать, что делать дальше. Я говорю: «Давайте проведем воркшоп как есть. У нас денег особо нет, но давайте на базе института хотя бы с чего-то начнем». И мы как-то наивно решили это сделать. Мы с Леной Соболевой пошли ранней весной 2017-го года в Фонд Генриха Бёлля, с улицы постучались и сказали, что у нас есть проект. Самое интересное, что в Фонде на нас среагировали и в итоге дали денег на воркшоп. Немного, но дали. Следующим человеком, который нам помог, была Кэтрин Ваннер, американская антрополог, которая проводит исследования в Украине около 30 лет. И она 6 лет подряд проводит в Киеве конференции по антропологии религии. Я с ней познакомилась на одной из этих конференций и рассказала обо

всех наших потугах что-то создать новое, что-то проводить. И Кэтрин тоже помогла нам найти дополнительное финансирование из еще одного источника на воркшоп. И таким образом нашим партнером стал университет Ст. Галлена в Швейцарии. Это было все наивно и по-детски, потому что мы даже не запланировали никаких денег себе на административные расходы. И оно все было немножко сыровато, потому что впервые. Тогда мы еще притирались друг к другу, потому что все мы разные, характеры разные, видения разные. Но для меня этот воркшоп был такой отправной точкой, когда мы сформировались вообще как команда.

Как прошел воркшоп?

[Ю. Б.]: В итоге это было не две недели, а три дня, но в очень интенсивном режиме. Каждый день было по 2–3 программные лекции, потом панели докладов, дискуссии... Так что мы сидели с 9 утра до 7 вечера. Все очень устали, но это было очень здорово, особенно для тех, кто к нам приехал из Полтавы, Харькова, Львова. Потому что народ писал, что это так круто, такой европейский воркшоп. Я же видела, как это бывает в других странах, и мне хотелось, чтобы обязательно были keynote lectures и чтобы были дискуссионты. И тогда же мы начали приходить к выводу, что всю эту нашу деятельность надо как-то оформить. Это не дело приходить с улицы и говорить: «Дайте нам денег, у нас есть проект». Это несолидно. Как получить грант? Нужно оформиться в общественную организацию.

[Е. С.]: В общем, мы на этом этапе почувствовали, что формат государственной академической структуры достаточно неповоротливый, слишком тяжело что-то изменить. И мы подумали, что будет свободнее и интереснее работать в форме общественной организации. Возникла идея, что надо создать организацию, которая бы популяризировала антропологию в Украине.

[Ю. Б.]: В Фонде Бёлья сотрудница, которая нам помогла с первым воркшопом, тоже сказала, что с государственной организацией им работать тяжело. И потом у нас появились знакомые в разных сферах, в том числе социологи, которые начали проходить этот путь — создавать НКО, общественные организации, чтобы потом подаваться на гранты и делать какие-то хорошие мероприятия: воркшопы, тренинги, публичные лекции, семинары и т. д. И к осени, когда мы решили, что мы будем делать второй воркшоп, возникла необходимость оформления общественной организации. Конечно, ее главой стала Лена Соболева, потому что она тот человек, который может найти подход к каждому и решать административные вопросы (налоговая, банк, эти все вещи). Лена зарегистрировала организацию благородно на свой домашний адрес. А Оксана — ее заместитель, потому что Оксана совершенно незаменима в вопросах взаимодействия с чиновниками, бумагами, финансами. Зарегистрировали мы организацию в ноябре 2017-го года.

А это сложно было сделать с юридической точки зрения? Все-таки вы ученые, а не менеджеры. Сталкивались ли вы с какими-то бюрократическими проблемами при регистрации? Сложно ли было вести бюджет?

[Е. С.]: У нас организация некоммерческая, так что с бюджетом больших проблем не было. Если есть возможность получить какое-то финансирование на проект, это прекрасно. Если нет, то просто на общественных началах кто какие-то лекции читает, кто еще что-то. С этим вопросов не было. По поводу регистрации надо было ножками ходить по кабинетам, но тоже никаких вопросов не возникало. Буквально за несколько месяцев сделали это. Пока мы существуем в таком камерном формате, потому что ни офиса, ни какого-то стабильного финансирования у нас нет. Но у нас есть мини-среда людей, которые вместе занимаются наукой, у которых схожие идеи, ценности и интересы. Мне кажется, что в перспективе это может дать интересные результаты.

А почему в названии центра появилась «прикладная антропология»? Я понимаю, что вам важно было «забрендировать» себя именно как антропологов, сделать так, чтобы слово «антропология» было в названии. Но ведь вы могли, например, назвать организацию Центром социальной антропологии или еще как-то. А так у вас уже в названии заявка на то, что вы хотите заниматься решением каких-то практических задач. Как эта тема возникла?

[О. О.]: Ну, мы на самом деле немножко романтики, немножко наивны. И все свято верим в то, что антропология может изменить мир. Например, раньше я как историк плохо понимала, как можно исследовать современность, выбирая такие темы для исследований, где нет исторической перспективы, когда еще не прошло достаточное количество времени с событий, чтобы их хорошо осмыслить. И только когда я познакомилась с антропологией, я поняла, насколько это магическая вещь, которая помогает понять современное общество, которая владеет этими инструментами, позволяющими «схватить» это здесь и сейчас. Мы просто поняли, что это такой эффективный инструмент, который действительно может помогать в чем-то современному обществу. У нас на сайте¹ четко прописано, что у нас есть два основных направления действия. С одной стороны, это академическая антропология. И тут мы понимаем, что мы хотим создавать сообщество, хотим объединять единомышленников, предоставлять какие-то площадки для того, чтобы мы делились идеями, пишем статьи, издаем монографии. То есть классическое такое академическое направление. Но, с другой стороны, мы сразу определились, что у нас должно быть еще одно направление, которое мы назвали «социальное действие». Социальное действие — это тот самый момент, когда мы понимаем, что в Украине сейчас развивается огромное количество разнообразных инициатив, и многие люди объединяются ради того, чтобы изменить ситуацию в разных сферах жизни к лучшему. И мы понимаем, что мы

¹ <http://caa.org.ua/>

владеем такими методами, которые могут помочь этим инициативам. То есть мы абсолютно открыты для сотрудничества, ну в этом плане мы и видим нашу прикладную задачу. Наше прикладное действие.

[Е. С.]: Мне лично кажется, что это особенно актуально сегодня, когда у нас начались реформы, идет изменение каких-то государственных структур, чтобы они стали более удобными, более открытыми. Например, у нас была такая большая дискуссия про реформы здравоохранения, как это правильно делать. Мне постоянно казалось, что антропология — это именно та дисциплина, которая может дать ответы на эти вопросы, объяснить, что и как нужно менять. У нас сейчас очень много низовых инициатив, много организаций, которые что-то хотят изменить, но не все инициативы приживаются. И непонятно, как это делать правильно. Очень мало сегодня в Украине в этот процесс вовлечено людей, которые связаны со сферой социальной науки и которые могут как-то разобраться в том, как сделать лучше.

[Ю. Б.]: Кроме того, нам хочется, чтобы это были не просто исследования, которые остаются в наших башнях из слоновой кости. Потому что не надо себя обманывать: круг историков, философов, этнографов, антропологов, музейных работников — это все-таки безумно узкий круг. Когда я начала читать первые публичные лекции, я в этом убедилась. Когда приходят люди из банка какого-то, из бизнеса, они на тебя смотрят как на какое-то ископаемое, не понимают, о чем ты говоришь. Или очень интересуются и хотят знать больше, но при этом тебе приходится объяснять, что та антропология, которой ты занимаешься, это не про череп и не про измерение скул, ушей и носа, что это не физическая антропология.

Я тоже вынужден был несколько лет каждое свое публичное выступление начинать с этого дисклеймера.

[Ю. Б.]: Да, потому что когда ты оказываешься на середине лекции, кто-то встает: «Минуточку, а я думал, что сейчас будет идти речь об истории первобытного общества!» Но идея Лены, Оксаны, Тины еще была в том, чтобы с помощью антропологии каким-то образом зарабатывать. Потому что финансовая ситуация отчаянная, с киевской жизнью и с киевскими ценами получать зарплату в государственном учреждении в 3500 гривен — это просто ужасно. Каждая из нас имела миллион подработок, которые очень истощают, и это постоянная фрустрация. Я это знаю по себе: куча письменных переводов на тебе висит, а тебя еще зовут куда-то на синхронный перевод, и ты не можешь отказаться, потому что это деньги, которые тебе нужны. Как зарабатывать, мы пока не очень научились. Лично мне пока неинтересно заниматься тем, что связано с бизнесом. Девочки как-то больше в этом продвинулись.

[Е. С.]: Про это лучше может рассказать Тина, которая непосредственно работает в бизнесе как антрополог. Можно сказать, что она первый

бизнес-антрополог в Украине. И у нее в этом гораздо больше опыта. Еще у нас было несколько коммерческих проектов для наших знакомых, которые владеют каким-то бизнесом, по исследованию поведения потребителей. Во всяком случае, мы попробовали и поняли, как это делается. Еще мы постоянно общаемся с сотрудниками компании Die Kulturträger, где работает Тина, обсуждаем какие-то вещи, и можно сказать, что у нас намечается сотрудничество. Нам очень полезно общение с ними, потому что мы как ученые, скажем откровенно, плохо понимаем мотивацию и вообще структуру бизнеса. Да, мы можем исследовать поведение потребителей, но понять заказчика, клиента нам бывает очень тяжело.

У меня вопрос к Тине. Чем занимается компания Die Kulturträger, и зачем ей оказались нужны антропологи?

[Т. П.]: Когда мы создавали нашу общественную организацию, мне стало интересно, как антропология может помочь бизнесу? Начала что-то об этом читать, узнавать. Оказалось, что такое явление существует, антропология бывает не только академической, но и коммерческой. И мы с коллегами из нашего центра начали делать какие-то собственные маленькие проекты для бизнеса. Это был какой-то совершенно другой опыт, очень интригующий. Как-то нас всех это раззадорило. И вдруг я совершенно случайно увидела объявление на Фейсбуке о том, что компания ищет антрополога. Не может быть! На самом деле?! Я туда написала, и меня пригласили на собеседование. Попав туда, я очень удивилась. Оказалось, что люди, которые меня собеседовали, хорошо понимают, что такое антропология. Они знают, кого ищут. Они полностью понимали то, о чем я говорила. Это тоже было очень неожиданно. Потом прошло несколько недель, и мне предложили работать в этой компании. Конечно, было немножко страшно, потому что мы все строили академические карьеры. Но все-таки я решилась, и до сих пор ни разу об этом не пожалела. Уже полтора года там работаю.

А расскажи немного про саму компанию. Когда она появилась? Чем она занимается? Какую роль антропология играет в ее деятельности? Почему она оказалась важна?

[Т. П.]: Компания появилась десять лет назад. Изначально это было агентство, которое специализировалось на бренд-консалтинге и трендвотчинге, выявлении новых поведенческих трендов. Оно работало в таком формате: была исследовательская часть, связанная исключительно с трендвотчингом, и работали стратеги, которые на основе этих исследований делали рекомендации для клиента. Но в какой-то момент у моих будущих коллег возникло ощущение, что информация о будущем, конечно, важна и нужна, но им очень не хватает информации о настоящем. Они начали думать, откуда эту информацию брать, и решили, что нужно попробовать найти антрополога. И в итоге они разместили то самое судьбоносное для меня объявление на Фейсбуке. Так мы и познакомились. Сегодня в компании есть два основных

направления работы: есть стратегическая часть, где стратеги занимаются консалтингом, и есть исследовательская часть, где моя коллега занимается трендвотчингом, а я — антропологическими исследованиями.

Кто является вашими клиентами? И как вы с ними обычно работаете?

[Т. П.]: В основном это большие международные бренды. Задачи связаны с тем, что мир меняется, а заказчикам нужно понимать своих потребителей, чтобы делать какие-то инновации, предлагать какие-то новые продукты. Иногда им нужно знать, какие тренды будут актуальны в будущем, это то, чем занимается моя коллега. А иногда есть необходимость проведения исследований потребительского поведения. Это уже моя сфера. Я привлекаю к этой работе коллег-антропологов, мы разрабатываем план и методологию работы, проводим само исследование. И после этого наши стратеги могут дать практические рекомендации компании по поводу того, что делать с результатами этих исследований, каким образом их можно применить. Если это большое исследование, то оно может длиться и три месяца, а не такое масштабное — может быть и меньше месяца. Ищем респондентов мы сами. Пытаемся работать по рекомендациям, через знакомых выходить на знакомых. Мы пытаемся не быть абсолютно чужими людьми. Помимо глубинных интервью используем наблюдения: гуляем с нашими респондентами, приходим к ним на работу, совершаем с ними покупки. Все зависит от темы исследования.

А как ваши заказчики реагируют на то, что компания предлагает им какие-то непонятные антропологические исследования?

[Т. П.]: Когда мы знакомимся с новым клиентом, мы всегда рассказываем, что такое антропология, почему это хорошо, что она может дать из того, что не дают обычные маркетинговые фокус-группы. Еще мы про это делаем выступления на различных маркетинговых конференциях, форумах, много усилий тратим. И за эти полтора года у нас появились большие клиенты, которые в итоге остались довольны нашими исследованиями. Я понимаю, что это был риск со стороны их маркетингового отдела — согласится на что-то такое настолько непривычное. По моим ощущениям, им понравились результаты, и это очень приятно.

Давайте вернемся обратно к Центру прикладной антропологии. Вы существуете всего два года, но за это время выпустили уже несколько книг. Меня больше всего интересует ваша коллективная монография про Ирпень, город-спутник Киева, которая вышла в 2019 году [Гримич и др. 2019]. Расскажите, как возник этот исследовательский проект.

[Е. С.]: На самом деле, эта тема лежит абсолютно на поверхности. Потому что многие, кто говорит о Киеве, обычно ограничиваются только самим городом. И не обращают внимания на людей, которые каждый день приезжают в Киев работать, а живут в расширяющейся зоне пригородов.

Там одновременно как бы Киев и как бы не Киев. И нам интересно было посмотреть на эти пригороды с точки зрения пограничья. У нас в институте как раз общая исследовательская тема была про границы и пограничье. И если смотреть на город и его границы, то пограничье — это пригород.

[О. О.]: Так получилось, что научные интересы и у меня, и у Тины касались города. К нам еще присоединилась Лена Соболева, и нас всех объединила эта тема городская. Мы хотели исследовать пригород, но, честно говоря, не знали, какой. Конечно, мы понимали, что это будет пригород Киева, но еще не сфокусировались на каком-то конкретном городе-спутнике. Мне почему-то показалось, что очень интересно исследовать именно тот пригород, который развивается активнее всего. Таким пригородом был и есть город Ирпень. Это очень быстро растущий город, где все время появляется много новых людей. И мне показалось, что будет очень интересно взглянуть на эти возникающие новые связи, исследовать, как живут люди в таких условиях, какие у них складываются отношения друг с другом, какие у них складываются отношения с городом, в том числе с городом-мегаполисом. Для нас очень важно было проследить, как сосуществуют Ирпень и Киев. Потому что понятно, что много людей селится здесь, потому что это недалеко от Киева. Там работает маятниковая миграция: люди живут в Ирпене, а вся их социальная жизнь и профессиональная деятельность происходит в Киеве.

[Т. П.]: Мы пытались ответить на вопрос, почему Ирпень такой. Нам очень хотелось понять, как этот город воспринимают его жители. Внешне этот город как сказка, весь такой красивый, близко лес. А как там на самом деле жить? Мы пытались дать ответ на вопрос, насколько этот город может считаться самостоятельной единицей. Для жителей это всего лишь придаток Киева? Или что-то, имеющее отдельную ценность?

[О. О.]: Мы пытались посмотреть на Ирпень и Киев в этой парадигме пограничья: существует ли действительно какая-то граница между мегаполисом и пригородом, существуют ли границы внутри самого города? Один раздел нашей монографии посвящен неформальным практикам. Мы изучали ситуации, когда человек чувствует свое моральное право на какие-то блага, и смотрели, что происходит, когда он их не получает. Благодаря рекламе, благодаря определенному имиджу этого города, у человека, который туда собирается переехать, формируются какие-то ожидания. И мы смотрели, что этим новоселам приходится делать, когда их ожидания расходятся с тем, что они получают в реальности. Как раз тут и возникают эти неформальные практики, когда они пытаются пространство, в котором они живут, переделать под себя.

Можно какой-нибудь пример?

[О. О.]: Ну, например, рекламный образ города строится на том, что он зеленый, буквально находится в лесу. Но сейчас город активно развивается,

а страдают как раз те зеленые насаждения, из-за которых многие люди были готовы переехать в Ирпень. И люди обнаруживают, что пару лет назад они покупали на стадии фундамента свою будущую квартиру в зеленом лесу, а к моменту, когда они въезжают, вокруг вырастает много домов. Им приходится отвоевывать небольшие зеленые участки возле дома, скверы. Или возникают какие-то проблемы с управлением дома. Тогда жители начинают своими силами что-то делать. Например, мы проследили, что есть такая практика для небольших домов, на 10–12 квартир, когда устанавливается совместное дежурство по уходу за этим домом. Жильцы самоорганизуются, чтобы менять свою жизнь к лучшему, как-то приближать ее к тому, на что они рассчитывали.

[Т. П.]: Для меня самый ценный раздел этого исследования связан с моральной экономикой. С тем, что происходит с людьми, когда они начинают объединяться. Изначально их объединяет что-то крайне плохое — отсутствие воды, какие-то бытовые проблемы. И крайне увлекательно было наблюдать за тем, как потом это объединение никуда не пропадало. Проблема решена, и все плохое позади, а люди остаются друг с другом. И потом вместе они продолжают преобразовывать пространство вокруг себя, преобразовывают свой город и начинают его любить, пройдя все плохое, что с ними происходило. Этих соседских объединений так много, что они становятся своеобразным лицом города.

А планируете ли вы в самом Ирпене делать презентацию? Вроде это довольно логично. Живут люди в городе, а вы написали книжку про их проблемы и их борьбу за город. Да и местным властям, наверное, будет интересно ознакомиться.

[Т. П.]: На самом деле мы должны были провести эту презентацию, но она сорвалась по техническим причинам. То ли весной, то ли летом должна быть. Я уверена, что она в любом случае будет. А местные власти там часто меняются.

[О. О.]: Когда мы проводили это исследование, то чувствовали, как минимум, заинтересованность со стороны властей. Не знаю, будут ли они что-то из наших выводов использовать на практике. Но для них было важно, что их город исследуют, что он вызвал у ученых интерес.

Планируете еще какие-то книжные проекты?

[Ю. Б.]: Мне бы хотелось, чтобы в результате нашей низовой инициативы культурная антропология смогла войти в украинские вузы. Я бы хотела учебник написать по культурной антропологии. Я могу и так его написать, но для того, чтобы он вышел под грифом министерства, мне нужно, как минимум, работать в какой-нибудь из этих структур. Есть масса задумок. Например, я бы хотела написать книгу «История антропологов», адаптировать для украинского читателя биографии

антропологов, преподнести это через нонфикшн. Я бы хотела через текст сделать антропологию более публичной. Лично для меня в антропологии публичное важнее, чем прикладное. Несмотря на то, что мы все очень разные, у нас у всех одна цель — развитие культурной антропологии в Украине. Кроме нас четверых у нас еще есть двое коллег, которые тоже с нами в организации — Елена Брайченко и Светлана Маховская. Со Светланой мы работали в Академии наук в Институте фольклористики и этнологии. Светлана много лет работала в школе и гимназии, она хотела бы культурную антропологию продвигать еще туда — делать образовательные программы для старшеклассников, интересные публичные или прикладные проекты в школах. С Еленой Брайченко мы учились вместе на истфаке, она тоже заканчивала кафедру этнологии и краеведения. Лена зарегистрировала свой малый бизнес: у нее издательство, и она хочет издавать книги по антропологии. Мне она предложила со временем сделать совместный проект, чтобы я перевела какую-то книгу по культурной антропологии с английского на украинский, и мы вместе ее опубликовали. Так что у каждого своя какая-то цель в этой организации. Например, Лена Соболева с Леной Брайченко в 2019 году издали книгу «Крымско-татарская кухня». Лена написала хорошую историко-этнографическую часть и там рассказала, почему еда и кухня важны для идентичности крымских татар. А дальше идет куча рецептов, красивых фотографий и так далее. Там тоже есть много слов о том, что такое антропология, почему она важна.

Эта книга имела успех?

[Ю. Б.]: Среди крымских татар — огромный. На презентации люди плакали просто. Эта книга сейчас в каждом крымско-татарском ресторане Киева стоит на видном месте. Для них очень важно, что украинские ученые занимаются их культурой и как-то ее продвигают, выпускают книги, говорит о ней на радио, в лекциях.

К вопросу о радио. Со СМИ вы вообще насколько плотно взаимодействуете? Они сами к вам приходят? Или вы проявляете инициативу и пытаетесь им что-то о своих исследованиях рассказывать?

[Е. С.]: Мы с самого начала ставили себе цель быть максимально открытыми, постоянно самим искать возможности контактировать со СМИ, давать интервью, рассказывать о своей работе. Часть нашей книги про Ирпень мы опубликовали в интернет-журнале, чтобы сделать результаты исследования более доступными для общества. Мне кажется, что если мы хотим заниматься прикладными исследованиями, то очень важно, чтобы про нас знали, что мы существуем, что у нас есть опыт, есть возможности исследовать какие-то общественные проблемы в прикладном ключе. К тому же в Украине про антропологию вообще знают очень мало, так что какой-то ликбез необходим.

[Т. П.]: Да, когда нас зовут, мы не отказываемся. Мы иногда ходим на

радио, реже попадаем на телевидение. В основном это передачи, которые связаны с культурой. Вот это наша ниша. Иногда я попадаю туда, где говорят об урбанистике.

[О. О.]: Просто у каждого из нас есть еще свои научные интересы. И получается, что наши новые книги, наши индивидуальные исследования становятся для СМИ медиа-поводом. Не так, что мы к кому-то приходили и говорили: «А давайте мы расскажем вам про антропологию». Получалось так, что нас находили и приглашали через наши личные научные интересы. А потом, когда мы с журналистами общались, то рассказывали, что у нас есть такая организация — Центр прикладной антропологии. То есть мы специально ни на кого не выходили, чтобы как-то организовывать эти интервью.

Расскажите про научно-популярный лекторий по антропологии, который вы проводите в Киеве в рамках проекта Urban Space 500.

[О. О.]: Это очень интересное место, я немного расскажу о нем. Это проект социального предпринимательства — впервые Urban Space 100 возник в Ивано-Франковске, когда 100 инициативных людей собрались, и каждый пожертвовал на общее дело по 1000 долларов. На собранную сумму они сделали одноименный ресторан, вся прибыль которого шла на реализацию всяких инициатив и мероприятий, полезных для города. Эта инициатива стала очень популярной и успешной, о ней много говорили, и где-то через пару лет киевское сообщество заинтересованных людей решило тоже запустить подобный проект. Но в Киеве проект называется Urban Space 500, потому что тут уже 500 инвесторов, каждый из которых вложил по 1000 долларов. И на базе этой платформы социального предпринимательства и получается реализовывать идеи, которые могут быть полезными для города. Urban Space 500 существует не так давно, но это место уже начало притягивать к себе людей, заинтересованных в развитии города. И это такое место, где можно поделиться своими идеями.

И вы решили запустить там свою программу мероприятий?

[О. О.]: Мы стали заявлять о себе и вскоре стали находить все больше людей, которым тоже интересна антропология, потихоньку начали обрастать какими-то знакомствами. И вышло так, что соучредители Urban Space 500 тоже интересовались антропологией. Мы с ними пообщались и решили, что неплохо было бы здесь проводить под эгидой Центра прикладной антропологии серию лекций. Мы изначально планировали, что это будет только городская антропология, но сейчас мы понимаем, что этот лекторий будет шире по тематике. Собственно говоря, мы только начали этим заниматься, сейчас еще находимся на старте. Но на первую лекцию пришло очень много людей, поэтому мы надеемся, что проект будет успешным, планируем делать лекции где-то раз в две недели.

А как слушатели реагируют на ваши лекции?

[Т. П.]: Они задают вопросы. Обычно это люди, которые переживают за то, что происходит в их городе. Они задают вопросы: «Что нам делать, если это несправедливо?» Понятно, что это не такие вопросы, на которые есть простые ответы. Еще много вопросов про антропологию: «А что это такое? А почему я об этом не знаю? А расскажите побольше». Вот это для нас самое важное, поскольку именно с таких вопросов начинается интерес к нашей науке и к тому, чем мы занимаемся. Буквально на последней лекции ко мне подходила женщина и попросила о сотрудничестве. Может быть, это станет началом какого-то проекта.

Тогда последний вопрос, исключительно предсказуемый. Какие ваши творческие планы? Как вы хотите дальше развивать Центр прикладной антропологии? Какие проекты хотите запустить?

[О. О.]: Прелесть нашей организации в том, что мы пытаемся работать так, чтобы каждая из нас имела возможность делать то, что она хочет, и развивать какое-то свое индивидуальное направление. И в этом плане у каждой из нас есть свои планы, свои наработки. Тем не менее, у нас обязательно должны быть и объединяющие проекты, в которых участвуем все мы. И мы однозначно не теряем заинтересованность в городской антропологии.

[Е. С.]: Конечно, интересно работать с бизнесом, потому что это абсолютно новый опыт, новая оптика. У нас совсем другое видение, чем у людей, которые работают в бизнесе. Еще я думаю, что нам бы всем было бы интересно больше заниматься образованием, какой-то просветительской работой. Возможно, от воркшопов мы можем перейти к более масштабным образовательным программам.

[О. О.]: О формате мы сейчас думаем, но в этом направлении однозначно не будем останавливаться. Некоторые участники воркшопов нам говорили уже, что, возможно, нам бы пора уже легкую школу организовать или что-то в этом роде. Мы уже начинаем и о таких вещах задумываться. Время покажет, что это будет.

Литература

Гримич, М., Овсіюк, О., Семенова, О., Соболева, О., Полек, Т. (2019). На кордоні з мегаполісом: Київське передмістя в антропологічній оптиці (кейс м. Ірпінь). Київ: Дуліби.

References

Grimich, M., Ovsyuk, O., Semenova, O., Soboleva, O., Polek, T. (2019). *Bordering the metropolis: a Kyiv suburb via anthropological optics (the Irpin case)*. Kyiv: Dulibes. (In Ukrainian).